

Винсент Килпастор

Оксфордский тест способностей ЛИЧНОСТИ

The only thing that you absolutely have to know, is the location of the library.

Sir Albert Einstein

Графомания поганит эфир, отравляет кладези смысла, которые есть наше общее достояние. От графомании неурожай, болеют дети и скот, падает рубль, портится погода. Графомания разъединяет людей и приближает Конец Света. Хуже графоманов, пожалуй, единственно только настоящие писатели, потому что они и есть Конец Света.

Сэр Роман Кривушин

Выполнив служебные обязанности, усталые ангелы удаляются в старинные сводчатые библиотеки или книжные магазины. Это общеизвестный факт. Не особо уверен, что я ангел, но скрываться предпочитаю именно в библиотеках и книжных. Кто-то ставит свечку в церкви, кто-то взахлёб читает стихи проституткам, а я таюсь между вечно пыльными уютными книжными полками. Работает безотказно.

Секрет в том, чтобы приглушить дыхание и тихо наблюдать. Между рядами книг и краем полок

всегда остается небольшой просвет, и если у вас достаточно терпения вы сами всё увидите. Книжные магазины и библиотеки это прелюбопытнейшие аномальные зоны. Убедившись, что угрозы нет, из книг выходят разномастные, порой довольно забавные сущности и начинают дефилировать по магазину. Променад нескладных верзил как Дон Кихот или мягких шаров, как Санчо Панса. Порочные спящие красавицы и вечно недовольный левый эсер Каутский. Писин Молитор Патель, Полиграф Пэ. Шариков, Гарри Поттер и Пьер Безухов. Аристарх Лопухов и эстрогенные сны Веры Павловны. Башмет Аутопсия и прощелыжные жители Верховьев Бабуиновой задницы.

Интергалактический космопорт где жители самых разных, порой несовместимых цивилизаций случайно пересекаются на долгом пути в бесконечность. Координаты пространств, гравитация, биологические часы и уголовный кодекс здесь не пляшут.

Следует сидеть очень тихо, как йог в засаде, и тогда книжные сущности примут вас за своего. Оно того стоит, поверьте. Сущности порой пугают своим необычным видом, но они гораздо миролюбивее человеческих людей. Не надо их бояться. Жить на книжно-пыльных перекрестках гораздо проще, чем в мире людей. Добро тут всегда

побеждает, а просроченные счета испепеляются легким усилием магистра йода.

Существует другая опасность — можно слишком глубоко упутешествовать в идеальный книжный мир. Тогда возьмет верх наша противоречивая природа, природа ангелов, ихтиандров и русалок, отрезавших себе чешуйчатый хвост и крылья в обмен на стабильные ноги и беспроцентную ипотеку. Бессердечная сила гравитации заставит покинуть факультеты ненужных вещей и вернуться в реальный мир. Реальность не прощает затянувшихся путешествий по интергалактическим фривеям. Она выставляет нам непомерно завышенный счет. Добро пожаловать на планету Земля. Оставайтесь на своих местах пока аэродромные службы бескоштовно нейтрализуют потенциальных космических террористов и вашу ручную кладь.

Просматриваете ли Вы расписания движения поездов, телефонные справочники или словари просто так, для удовольствия? (Оксфордский тест способностей личности).

В Сиэтле мне повезло найти магазинчик подержанных книг — «Книги в полцены». Роскошно. Глоток запотевшей Перье в оранжевой пустыне Сонора.

У Рэя Брэдбери книги сжигают чеченские пожарные команды. Гениальный фантаст

просчитался. В современном мире книги давно не жгут. Их бессердечно оцифровывают и заливают в облака. Будто подрезают крылья экзотическим певчим птицам. Для бестелесых оцифрованных книг не нужны магазины и библиотеки. Их льют как бетон свинцовых облаков. Бесконечными потоками неотёсанных сирийских беженцев, книжки возносятся к золотой клетке небес, а служебным ангелам становится негде жить. Нам остаются случайные аномалии и мутирующие выродки вроде этого — «Книги в полцены».

Книжный внутренней секреции открыт до десяти вечера. Как посольство во вражеской стране. Теперь можно незаметно раствориться между страницами, скрестить пальцы и наивно надеяться на чудо. Например, вдруг силы гравитации неожиданно перестанут работать и, наконец, оставят в покое мое тщедушное тело. Я проделал утомительнейший путь в три тысячи шестьсот шестьдесят шесть парсеков, пока не наткнулся на этот книжный в Сиэтле. Рядом с магазином — вьетнамская харчевня «Фу». Похлебка фу, проростки бобов мунг, соус сри рача от хуй фонг фудз — изысканное дополнение к книгам в полцены. «Не все еще потеряно» — думал я.

Не все еще потеряно.

* * *

Сиэтл — одна из самых зорко охраняемых тайн. Если судить на карте — здесь крайний север США, дальше уже обзориуты Аляски. Если верить слухам — в городе триста шестьдесят дней в году идет дождь. Это заговор. Экран от «понаехавших». Сиэтл основали немногословные интроверты лесорубы и крайне скрытные золотоискатели. Они же решили проблему рабства. Линкольн к тому времени уже эмансипировал негров, а железную дорогу с Дикого Запада на отретушированный восток все же нужно было строить, и бородатые белые люди импортировали несметное количество фарфорово-кисейных китайцев.

Когда магистраль была построена, молчаливых китайцев стали массово сплавливать вместе с лесом вниз по красочной бухте Пьюджит Саунд. И так долго, долго дрожала воды не замерзшей гладь.

Возглавивший китайское сопротивление хуйвьebin Лин Коль Ын усилием воли перевёл опиумокурильни и публичные дома из Такомы севернее — туда где сейчас висит Спейс Нидл — небоскреб Летучая Тарелка Сиэтла. У лесорубов не было другого выхода как пустится в свальный блуд, либо слезно извиниться, временно признать китайцев белыми, построить мемориал «Простите нас, китайцы» и переехать в Изумрудный город.

Так называли Сиэтл раньше.

Тут же на берегах таинственной Пьюджит Саунд молодой фантаст и меркантильный мечтатель Лафайет Рон Хаббард строчил свои первые грошовые рассказы про выходки марсиан. Хаббарду платили по центу за слово. Для сравнения — за свой последний роман Труман Чипотле получил по двенадцать долларов за слово.

Позже Хаббард напишет в блоге: «Как же задрало писать на ставке один цент за слово. Вот бы создать собственную религию и никогда в жизни больше не работать».

В Сиэтле проживает чудаковатый миллиардер Билл Гейтс. Как и положено продуманному до мелочей дельцу, Гейтс покинул свою мелкомягкую вселенную на гребне успеха. В прощальном интервью он, в частности, подчеркнул, что испытывает чувство стыда от количества денег заработанных на отсуживании имущества бедолаг из экономии установивших нелегальный майкрософт офис.

Раньше в Сиэтле жили Джимми Хендрикс, Курт Кобейн и Брюс Ли с сыном. Эти замечательные сущности обожали Изумрудный город и унесли его тайну в могилу. Никто не хочет чтобы райский уголок засрала туристы и он превратился в гнусную клоаку с русскими ресторанами вроде Маями. И Майкрософт и Боинг

и Амазон и Старбакс могли бы открыть головной офис где угодно, но они ведь выбрали Сиэтл. Эти улики не могут быть скрыты от пытливого взора наблюдателя и выдают тайну Города с головой.

По таинственным метеопричинам в Сиэтле удивительный мягкий субтропический климат. Летом воздух пахнет хвоей, а зимой дымком тлеющего кедра почти лондонских каминных труб. Воздух хочется разливать в стеклянные баллоны и принимать в час по столовой ложке. В прибрежных закусочных Сиэтла самые свежие в мире тихие океанские устрицы. Жителей изумрудного города называют сиэтлиты — «сиэт — лайтс», настолько они светлые и легкие в общении. Может это климат, может устрицы, но скорее всего потому что сиэтлиты потихоньку легализовали марихуану и живут себе амстердамом. Гора Рейнер виднеется ото всюду и сильно напоминает священную леди Фудзи-яму с сахарно-снежной головой. В конце февраля, когда в Сиэтле начинает цвести сакура вы вдруг отчётливо понимаете, что ведь до Японии-то отсюда рукой подать.

* * *

Дождь в Сиэтле и правда, полновластный хозяин. Он приходит и уходит когда ему заблагорассудится. Но это особый дождь. Дождь

сиэтлайт. Иногда он отталкивается от вас будто от перьев китайской утки-мандаринки, а иногда проходит насквозь, как теплый утренний душ.

В Сиэтле много русских, украинских и молдавских школяров. Это холодные прагматики. Они приезжают в Сиэтл, чтобы получить американские водительские права. Раньше трюк можно было проделать почти во всех штатах. Сейчас, ритуальными стараниями Аль Каеды, Боко Харам, Джабхад-ан-Нусра и прочими набожными монстрами из Верховьев Бабуиновой Задницы остался только один штат — Вашингтон — дальний потайной угол Соединенных Штатов где все еще без лишних вопросов раздают права.

Сиэтл далек, но разве это крюк для бешеной собаки из последней эмиграционной волны только что пересекшей Атлантический оушн? Оголтелые школяры врываются в Изумрудный город как потоки варваров в размякший от удобств цивилизации Рим.

По официальной версии просочившейся в масс-медиа, я тоже приехал сюда сделать водительские права. Хотя бы попытаться разрулить глубокую безнадегу моего старинного бумажного бесправия. На самом деле я просто хотел затесаться меж книжных страниц, чтобы, наконец, закончить затянувшийся на несколько лет никому не нужный роман. Казалось, будто стоит дописать его до точки

и все проблемы разрешаться сами собой.

Тягучий роман измучил меня. Он сидел в горле осколками острого стекла и его больно было рассказывать. Те, кто все еще слушал, обвиняли меня в бездарности и лени. Слушатели не видели моих слез, когда я, прячась, вытягивал из горла наиболее острые и корявые куски. Но большинство давно ничего не слышало, кроме себя, а сила гравитации во всю уже тыкала меня носом в черно-белую реальность экзистанса.

За время написания романа стансы приобрели ужасающие размеры бетонных кафкианских замков. Задний дворик моего когда-то удобного дома зарос сорняками. Я потерял работу. У меня родилась дочь. Украинская мафия Пармы объявила мне бордовый джихад. Соседка по улице, небритая бруха с ливанским флагом под лобовым стеклом подала на меня в окружной суд. Я тщетно слазил и вновь залазил на синтетические опиаты. Меня посадили и снова выпустили, чтобы позже выслать по почте еще два бестолковых ордера на арест.

Мир гравитации и монетарной политики решил что с моим романом, а за одно и со мной давно пора кончать.

Я одолжил двести долларов на билет и через девяносто пять тягучих часов был в Сиэтле. На последнем измочаленном издыхании передо мной возник магазинчик подержанных изданий —

«Книги в полцены». Это было наше посольство и полумёртвый я упал на пол перед удивленными книжными сущностями.

Принимаете ли Вы разумные меры предосторожности, чтобы избежать несчастных случаев? (Оксфордский тест способностей личности).

Проснулся от того что лизнула в лицо не в меру дружелюбная собака. Собака не знает сколько я должен по отёчным ипотечным кредитам. Собака просто меня любит. Она уже чувствует, что я собираюсь в дорогу. Собака все еще в обиде на мое последнее исчезновение — отсидку в тюрьме, а тут я снова пакую выдавший нато армейский рюкзак. Как можно иметь дело с вероломностью двуногих, оккупировавших мир?

Я снова набрал номер «нашего человека в Сиэтле». Трубку не взяли, а голосовая почта издевательски выплюнула: «Лео-нид Ла-ла». Я оставил Леониду Лале сообщение-хокку, посетовав как тяжело жить в мире водительского беспорядка, и пообещал позвонить еще раз.

Бают будто бы каждые семь лет клеточный состав нашего организма полностью меняется. Отмирают старые клетки, нарождаются новые. Если принять теорию на веру, то я американец уже минимум дважды. Мне стало безразлично восьмое марта и двадцать третье февраля, и даже новый год.

Я активизируюсь на хеллоуин, день благодарения и крисмас. На клеточном уровне я давно уже пан американ. Все что теперь нужно это достать небольшой кусочек пластика.

Сколько же предстоит износить лаптей и рубах, добираясь на дикий Запад? На долго ли я туда еду? Зачем я вообще еду? Ах да-да, надо дописать кретинский роман. Может, повезёт урвать водительские права. Главное не забыть по рассеянности. Допишу роман, отхвачу пластик гравитация исчезнет, и путешествия на Марс пойдут по упрощенной схеме. Может даже повезет найти работу в Майкрософт.

Уборщиком, конечно, кем же еще.

Лишь бы ответил Леонид Лала. Лишь бы только ответил. Потому что другой стратегии и тактики у меня нет.

Телефон зазвонил. Но увы, это был не Леонид Лала. Трезвонил Юрген фон Пукач — самый злобный и мелочный украинец на всем белом свете. Разумеется, я не взял трубку. Гори в аду, Пукач, денег сейчас все равно нету.

Юрген Пукач необъятен как медведь Грызли прирастившийся к ГМО. Чего они жрут эти украинцы с детства, чистый патентованный протеин?

Собаки подняли нестройный гвалт и ринулись к двери. На пороге материализовался Юрген Пукач

и его деревянные пышущие жизнью хлопцы.

— Чего ты трубку не берешь?

Пукач хрипел как волк из мультфильма «Жил был пэс».

— Денег сейчас нет, Юра. Телефон отрубили за неуплату. Вот. Такие дела.

— Понятно. А завтра будут? Деньги?

Мантры Пукача сводится к двум базовым вещам — деньгам и битым аукционным тачкам. Долгое общение с ним это крайне утомительное занятие. Я всегда стараюсь свести наши коммуникации до здорового минимализма.

— Завтра? Нет. Завтра никак. Ну вот через два дня будут обязательно. (Я уже надеюсь тогда буду мчать по марсианским степям Канзаса).

В это время вдруг возьми и зазвони непутёвый телефон. Я подскочил и заткнул его луженную андроедовую глотку.

Пукач, казалось совсем не заметил противоречивого поведения телефона и вопиющего несоответствия в моих показаниях. Вообще для потерпевшего такой мышечной массы и монетарной мелочности, Юрген Пукач вел себя необычайно куртуазно.

— Значит, через два дня? А? Деньги, я имею в виду?

Телефон снова истерически завибрировал. Я судорожно сбросил звонок. Увы, не так быстро, как

хотелось бы.

— Значит, отключили телефон, говоришь? А? Денег нет не уплату?

«Это скайп» — смущенно пискнул я — «это все скайп».

— Через два дня. Увидимся через два дня. Заеду за деньгами. Береги себя, Винсент. Постарайся избегать несчастных случаев.

Пукач и его буратины покатались с возмущенно скрипящего от их биомассы старенького крылечка родного дома. Вслед им снова зазвенел особенно упрямый сегодня телефон. Я, наконец смог взять трубку. Упорно названивала Марина.

— Ты не должен никуда ехать, слышишь? Они теперь останавливают все автобусы Грейхаунда и ловят нелегалов, понимаешь? Тебя непременно поймают! Отмени поездку.

У Марины тонкая поэтическая душа богемной парижанки, загнанной в добропорядочное тело законопослушной американки среднего класса. Марина регулирует диссонанс лошадиными дозами успокоительного.

— Спасибо на добром слове!

Повесил трубку. Добрая душа не придумала ничего лучше чем погрузить меня в беспросветный страх на девяносто пять часов и без того не простого перегона на серых собаках. Я еле

вымолил, чтобы мне билет купили, а теперь после ее вдохновляющего напутствия я приеду в Сиэтл совершенно седой. Почему-то все поголовно в последнее время заняты поиском наиболее изящного способа плавно закашмарить меня в суицид.

Доставляет ли Вам удовольствие деятельность, которую Вы сами выбираете?
(Оксфордский тест способностей личности).

Работа в Сиэтле, предложенная заботливым как родной отец Леонидом Лала называется «мувинг». Голливудское название, но увы к кинематографу мувинг имеет самое отдаленное отношение. «Муверы» — это грузчики которые перевозят мебель, когда вы переезжаете в новый дом или апартамент. Сиэтл вибрирует от безудержного экономического роста. Жилье здесь почти так же дорого как в Лос Анжелесе, но народец сиэтлиты бойкий и поэтому постоянно проходят через линейный апгрейд. Если ты переезжаешь с рента за штуку восемьсот в месяц в квартиру за три, ты можешь позволить себе жалкие пару сотен на шустрых чумазах грузчиков. Я тоже стал грузчиком — шустрый и чумазый. По-собачьи смотреть клиенту в глаза напрашиваясь на чаевой я уже научился. Осталось освоить сложное искусство «стропования».

Парковка грузовиков находится на обратной

стороне Луны. Чтобы не попасть в пробковую прорву, когда с авто паромом из Аляски прибывают жертвы работающее в даунтауне, пришлось выехать в полшестого утра. Сиэтл вытянут на сто семьдесят миль и добротнo прошит мостами, бухтами и причалами. Машины у меня нет, как и водительских прав и мне с этой работенкой очень повезло — еще и отвезут-привезут. А главное платят каждый день налом. Мечта любого вольного художника-экспозициониста.

Реальные муверы приехали на музейной, местами подплющенной Съенне, Женя и Макс. Флибустьеры нью эйдж. Родившиеся после смерти мамонтов и Советского Союза. Из святого только деньги и «мой дед победил на войне фашистов».

«Эй, эй, с другой стороны заходи давай, с этой стороны дверь заклинило!» — водитель с бровями молодого политрука с Малой Земли замахал на меня руками. Молодой политрук — молдавский программист из Chişinău.

Приехал по краткосрочной рабочей визе с липовым приглашением от Майкрософт. Такие приглашение делают в Одессе на Малой Арнаутской улице. Судя по тому что мы ехали тягать чужие диваны, Майкрософт больше не испытывает нужды в молдавских программистах.

Женя до сих пор не вступал в близкий контакт с американской дорожной полицией, этим

объясняется его преданность классическим кишинёвским принципам управления автотранспортом. Молодой политрук так притопил тапком в полик, что казалась не осталось ни одного кубика в трехлитровом двигателе, который не отдал бы себя до конца в этом спортивном рывке. Жене нужен мустанг, а не старинная семейная миниванна. Японские машины в Америке любят, но стесняясь в этом признаться презрительно называют их «райс рокет» — рисовая торпеда.

Резину нашей рисовой торпеды рвануло дымным визгливым прокрутом. Законы физики резко вдинамили меня в сидение тертой козлиной кожи. Сверху грузно покачал некрашеными крыльями проходящий испытания новенький Боинг краснознаменного сизтловского авиакомбината.

Поехали.

Женин напарник Макс улыбнулся широченной улыбкой среднерусских равнин и с доброй надеждой спросил:

— Ты не с России?

— Скорее из СССР.

Макс сразу потерял ко мне всякий интерес и задремал. Как выяснилось позже, он был дипломированным филологом из Воронежа. Я возрадовался радостью великою — ибо у большинства филологов развит вкус к нестандартным словам. А словеса и юмор это

рацион для книжных червей и служебных ангелов.

Но Макс оказался филологом доктора Левартава. Из тех кто поступает исключительно ради английского и последующего выезда на ПэМэЖэ. Экономический мигрант. Раньше были эмигранты, а теперь «е-мигранты», жертвы кровавых олимпиад, чемпионатов страны по футболу и Единого Государственного Экзамена.

Если судить по корочкам самым неквалифицированным в нашей бригаде грузчиков был я. Мало того, что в отличие от ребяташек у меня не было диплома о высшем образовании, я еще и телесным дизайном не вышел для мувинга — весьма конкурентной отрасли американского народного хозяйства.

* * *

На парковке грузовиков нас встретил хмурый человек по имени Никита. Единственным Никитой, которого я знал до этой встречи, был санитар, который насмерть забил доктора Андрея Ефимовича Рагина в чеховской палате номер шесть. Никита не был санитаром из психушки, он был совладельцем бизнеса и, по-совместительству дворником. На момент нашего прибытия, Никита играл в таджика, мрачно подметая парковку. Он глянул на мой роскошный камуфляж 167-го

горно-стрелкового полка который я гордо ношу со времен победы северного альянса над Талибаном, и спросил плохо скрывая неприязнь:

— Ты чо в американской армии служил?

— Так точно, сэр.

— Ну — у нас тут не армия. Найди себе другую спецовку.

Мы пересели в битый 24 футовый грузовик, и мои надежды, что габариты и длина коммерческого транспортного средства хоть самую малость приструнят молдавского шумахера, тут же разлетелись в прах. Женина ковбойская манера езды совершенно не изменилась не смотря на то что транспорт наш удлинился и потяжелел раз в пятнадцать. Я радостно представил как грузовой транспортник срывается с одной из витиеватых бетонных эстакад большого Сиэтла, и мы летим вниз, горя и взрываясь в воздухе.

Покрышкин ист ин дер Люфт майн Даммен унд Херрен.

Макс почти не реагировал на откровенно адреналиновую манеру Жениного драйва, видимо давно принял это в смирении сердца и надпочечников, как и подобает православному воронежскому мученику.

Филолог скопировал адрес с непутевого листа санитары Никиты. На непутевом листе была готическая шапка, более подходящая для диплома

Кембриджского университета или устава НСДАП — «Сводный Альянс Грузчиков Округа Кинг». Воронежский гастарбайтер привычно вдавил адрес в джи пи эс своего айфона. По нежной манере с которой Макс держал в руке новенький айфон, чувствовалось, что он произвел не один боевой матрасно-диванный вылет чтобы, наконец, возобладать этим культовым прибором коммуникации.

Мебельный квест запустился и начал набор оборотов.

— Работа чрезвычайно творческая, понимаешь?

Макс закурил сигарету, которые в Сиэтле стоят гораздо дороже чем марихуана и начал детальный инструктаж.

— Зарплата, она сама по себе, но главное тут — чаевые. Иной раз можно рвануть больше чем все Никитины подачки. Поэтому смотришь — клиент позитивный, так и давишь на позитивчике, улыбаешься, шутишь. Стараешься ничего при клиенте не ронять и не царапать, идёт? Где зацепишь, дай знать — у меня маркер есть — замажем будет лучше нового. Оттарабошим без сучка, быстренько, изящненько — рванем чувствительные чаевые.

«Не надо быстренько» — Женя отвлекся от штурвала: «Типсы — типсами, а часы часами».

Женя старший эскадрильи и часто отстаивает интересы мрачного санитаря Никиты.

— По любасу — готовно соглашается Макс — так и так меньше трёх часов никогда не бывает. Поспешай не торопясь. Наш девиз — вежливость. Позитивчик, предупредительность. Ненавязчивый сервис. У тебя как с английским? Хорошо? Ну звони клиенту, скажи, будем через минут двадцать.

— Дай-ка докурю?

— Возьми уже целую. Женя, ну куда ты попёр? Я сказал два раза — нам на 137 миле сходить, а ты куда полетел, голуба? Нам бы в Редмонд, в Редмонд, а не в чертов Киркланд!

— Тут магазинчик путевый е — «Стэш». Драп чумовой по пятнашке за грэм. А то мне не хватит до вечера.

Грузно заехав на бордюр и слегка зацепив красивую английскую лужайку, Женя посадил Ласточку прямо под вывеской: «Стэш. Чумовой драп для мягкой рекреации».

Мы наскоро оцепили чумового драпа, к легальности и вездесущности которого я еще до сих пор не привык. Пока Женя дудел в свой сингл хиттер и плавно ложился на рабочий курс, я позвонил клиенту и вежливо сообщил, что лучший экипаж городского альянса грузчиков и охотников за приведениями уже почти прибыл.

— Ну и как клиент? Сделаем ставки?

Макс глянул на меня охотником вторые сутки подстерегающим фазана в тугаях.

— Да не. Эмигрант какой-то. Турок, серб или еще чёрт какой. Еле по-английски языком ворочает. Навернулись, кажись, наши чаевые.

— Ну не будем пока скрести проплешиной по паркету. Неужели так плохо говорит?

— Намного хуже чем ты...

По тому как Макс густо покраснел, я понял что сморозил бестактность за которую Дейл Карнеги напрочь оторвал бы мне яйца.

Железобетонный трафик даунтауна и чумовой драп для мягкой рекреации взяли над Женей верх. Ласточка теперь шла крайне аккуратно и в пределах установленного лимита швядкости.

Улицу, где требовалось свернуть мы все же проехали, и Женя выдал на румынском: «футу ци айфона мати». Не зря румынский произошел от латыни — голосом Жени к нам воззвал бессмертный Гораций.

Наконец мы втиснулись в узкую боковую улочку с односторонним движением. Справа был блок недешевых квартир, а слева здание впечатляющее неонам:

«Сайентологическая церковь штата Вашингтон».

У входа в апартмент-комплекс нас уже нервно высматривал заказчик.

Клиент оказался болгаринoм с редкой фамилией — Иванов.

Сводит ли у Вас иногда мышцы, даже когда для этого нет никакого логического объяснения? (Оксфордский тест способностей личности).

Свежая американская поросль из пригородных районов это цвет нации. Молодняк в богатом пригороде сообразительный, часто к этому добавляется качественное образование. Общась с ними вдруг понимаешь, что уже не молод и не особо умён.

Образование в Америке недешево поэтому грамотная молодежь автоматически происходит из богатых районов. Социальное неравенство в США четко подразделено географией урбана. Хотите общаться с парнями типа Эдварда Сноудена — держитесь подальше от центра города. Чем ближе к центру тем больше микроцефалов с падающими ниже задницами портками.

Девид Кларк, сын морского офицера и корейской бизнес-вумэн живет с родителями в элитном девелопменте. На слэнге таких зовут «подвальный призрак». Мог давно жить самостоятельно — но с родителями дешевле.

У Дейва в комнате кимоно таэ-квон-диста, скейт борд и прикрученный цепью к столу айМак. Собачья цепь позволяет Дейву сохранять айМак рекордно долгое время. У конченных джанки всегда

самые дешевые телефоны и ноуты — продано всё, что можно поставить на движ.

Шансы, что Дейв сошелся бы с таким трешем как я — эмигрантом в первом поколении, который рысачит без водительских прав и безропотно моет по ночам пол, равны шансов столкновения Земли с Плутоном.

Нас снюхал вместе синтетический хероин:
И дрожит под росую душистых полей
Бледный ландыш склоненным бокалом, —
Это мак-баловник, это мак-чародей
В него ткнулся ты наглým йобалом

Дейв пытается одолеть чародея уже пятый год. Он выбрал смертельную тактику — старается уничтожить как можно больше за один раз. Быстрее кончится — быстрее завяжу. Дейв дважды побывал в реабилитационных клиниках, где походка стоит порядка двенадцати тысяч злотых. Дейв провел шесть месяцев в окружной тюрьме за блестящую организацию скандальной кражи нескольких миль троллейбусного провода. В рамке на стене вырезка из муниципальной газеты об этом преступлении века. Рядом — диплом частного колледжа. Мастер ав Бизнес Админестрейшн. Я единственный из окружения Дейва, кто хоть на йоту приблизился к его ослепительным

достижениям, поэтому он меня пока терпит.

«Это Винс. Он шесть лет отсидел в русской тюрьме в Сибири». Я пытался объяснить, что сидел в Ливийской джамахарии, но меньше чем на Сибирь мистер Кларк не согласен.

Сын белого офицера и южной-корейской портнихи дизайнерской одежды, Дейв чем то походит на Виктора Цоя. Корейская кровь подарила ему рубленые в граните строгие черты лица и мраморно бледную кожу. За этот цвет и предпочтение к продукту черные барыги называют его «Белый Кореец». Правда, или за глаза или когда Дейв уже зафиксирован. Сказать ему такое в лицо больному чревато неприятностями.

В последний год я видел белого корейца гораздо чаще чем жену и родных детей. Дейв приезжал на отцовском джипе с антиполицескими номерами «Ветеран ВМС США». Кроме службы в ВМС отец Дейва долгие годы работает сетевым администратором в полевом офисе федерального бюро расследований. Отец неоднократно отмазывал Дейва, если передрыга не была слишком уж медийной, как в случае с кражей троллейбусных проводов. Отец Дейва любит курнуть вечером травки, а так как его положение не позволяет старику рысачить по барыгам, то персональный наркотрафик для мистера Кларка-старшего также выполняем мы с Дейвом.

Дни тогда были сурково похожи друг на друга. Я вставал утром, добивал остатки вчерашней роскоши, провожал ребенка в школу и чесал репу где взять денег на сегодняшний разгон. Часам к одиннадцати, без всякого на то логического объяснения, начинало ломить кости, сводить мышцы и сердце охватывала смертельная паника.

В отличии от меня Дэйв гнал фентанол струей, а потому проблемы мышц у него наступали быстрее.

У нас не было выбора. Имеющие жилы меня услышат. Нужно было находить деньги или умирать. Поэтому каждый день мы упрямо жарили джаз. Свободных импровизаций было столько же сколько созвездий на Млечном Пути. В дни когда у меня музыка не клеилась, дерзко, в своей самовлюбленной манере, солировал Дейв Кларк. Когда у корейца не было вдохновения, медленно и степенно в партию контрабасом вступал я. Деньги сами являлись из ниоткуда и тут же исчезали в никуда.

Мы побеждали гравитацию тем или иным способом и к через несколько часов уже погоняли военно-морской Сатюрн в тотальное негритянское гетто. Рейсы производились с точностью Эмануила Канта по которому калининградцы издавна сверяют часы. Белое китайское служение не знает праздников и выходных.

На 186 миле мы сходили с фривея и Дэйв снимал трубу:

— Yo, I am at one eighty six.

— Go down to Euclid Avenue and take second right on Rayburn Street. Park.

Мы наизусть знали каждую боковую улицу уходящую от авеню Евклида. Мы знали что Торбинсон выходит на Кливью, а если свернуть на Южный Грин попадешь в тупик около асфальтовой детской площадки. Негры работали аккуратно, со страховкой, всегда отслеживая возможный хвост. Когда в глухом черном гетто появляется машина с двумя бледнолицыми это чётко попадает под розыскной полицейский профиль. Поэтому негры иной раз заставляли нас парковаться и перепарковываться по несколько раз. Когда болит все тело эти шпионские игры сильно действуют на нервы, но Дейв никогда не позволял мне нарушить протокол. Неевклидова система декартовых координат на плоскости. Наркоши умеют сбрасывать наружку изящней чем выпускники развед-школ.

Последняя стадия перед скорым фиксом была самой тяжелой. Мышцы сводило и хотя этому было простое логическое объяснение, терпеть пытку становилось невыносимо.

В последний момент из-за поворота вырывался серебряный Хундай или белый Леха,

стопорился у нашего борта, окно опускалось и в салон влетала порция жизни на следующие сутки.

Правда ли, что Вы предпочитаете быть зрителем, нежели участником соревнований?
(Оксфордский тест способностей личности).

Следуя максовым заветам сервисного обслуживания клиентов, я твердил как ежи еси на небеси: «давим на позитивчике, улыбаемся, шутим. Стараемся ничего не царапать». Поспевал за болгаринoм Ивановым высунув от усердия кончик языка.

Болгары тщательно подготовились к переезду — набрали в продуктовоm кучу добротных коробок от вина и теперь жена Иванова ловко паковала туда свои пожитки.

«Бляаа-ть, а коробки-то коробки, сука, ну сплошь от вина. Алкашня какая-то! Найобнулись наши типсы, пацаны!» — с порогу брякнул Женя по-русски, заставив болгарскую пару напряженно переглянуться — «Берись, давай с той стороны!».

Когда нас с тумбочкой в псевдомакедонском стиле втянул скоростной лифт, я шепнул Жене:

— Не стоило наверное при них про алкашей на русском-то, Жень. Болгары все ж таки. Славянене.

— Думаешь поняли?

— Боюсь что да. У него фамилия — Иванов. Молдоване же поняли бы?

— Да иди ты!

Женю охватил приступ острого душевного конфуза. Он даже рот ладошкой прикрыл от смущения.

Когда мы доволокли неподъёмную тумбочку до грузовика, оказалось что наш трап заблокировал выезд из подземного гаража сайентологов. Мрачные, затянутые в черное сайентологи метались вокруг Ласточки и делали руками оккультные, малокультурные пассы, проклиная весь Альянс грузчиков округа Кинг до седьмого колена.

В стиле танцующего галерного Шивы, мне пришлось приподнять конец трапа, и тащить его десяток метров в след медленнодвигающегося грузовика.

* * *

Не могу вам сказать какой Женя был кодер, но геометр он был во истину великий. Когда требовалось втиснуть в лифт нестандартный диван или матрас, Женя на бегу вычислял угол, траекторию и глиссаду скольжения. Однажды мы работали особо паскудный матрас темпур-педик с третьего этажа дешевого дома без лифта. Женя предложил мне выбросить матрас из окна, а они с Максом должны были его ловко перехватить у самой земли. В тот день гравитация сыграла против

нас. Матрас вошел в контакт с поверхностью планеты издав малиновый звон пружин и хитрых сервомоторов. Клиент был занят борьбой с велосипедом и ничего не заметил, а это значит стратегически цель была достигнута.

Внутри трака Женя укладывал вещи как прирожденный чемпион по игре в боевой тетрис. Я до сих пор не встречал ему равных. Ни одной пустой клеточки.

Когда, наконец, тумбочка заняла место внутри грузового отсека, я, с ужасом думая от потерянном времени и возможной мести воронежца, быстро ринулся назад.

— Эй! Поспешай не торопясь. Работаем на часы. Типсов, скорее всего, не будет.

Женя деловито вытянул сингл хиттер и старинная болгарская тумбочка исчезла в облаке ароматного легального драпа.

* * *

Наверху меня и в правду уже заждался потный Макс. Он как в воду глядел:

— Что Женя уже упаливается там? Ну ясно. Ясно. Принимаем удар на себя. Четко, слаженно, на позитиве, угу? Мы еще вытянем этот мув, и чаевых огребём. Непременно, дружище. Короче, ты давай

таскай ее коробки, а я пока обмотаю крупняк, выволоку к лифту, а там мы его с Жендосом спустим на малом паркинсоне.

— Слышь, Максим, у меня предложение в порядке совершенствования качества обслуживания.

— Ну?

— Давай, знаешь, при клиентах исключительно по-английски между собой говорить, а?

— Чего это вдруг по-английски-то? Нам же Никита не за художественный трёп бабло платит. Мы — муверы, бро.

Терпеть не могу как некоторые соотечественники толком не выучив английского основательно унавоживают свой несчастный русский.

— Дело не в Никите. Ну вот ты представь в Воронеже к тебе нанялись на работу азербуды там или таджики. Так? И они всю дорогу между собой — гаджар-гуджюр, гаджар-гуджюр, гаджар-гуджюр, тебе понравится?

— Есть, есть рациональное зерно, юнга. Но я так быстро в голове переводить на английский не смогу. Я тут всего-то пять месяцев. И потом мы же не базар-вокзал, базар-вокзал — мы жеж по-русски? Русский, думаю, звучит красивее для вражеского уха.

Всего пять месяцев. Я вдруг понял как непростительно долго засиделся в Америке. Почти пятнадцать лет как говорится в суровых приговорах от имигрейшн — «overstayed my welcome». Злоупотребил гостеприимством, если под кальку.

И вот оно новое, совсем мне неведомое поколение е-мигрантов. Угар постведьмедевского елбасизма. Очередная волна утечки мозгов. Думать им тяжело по-английски. Если сравнить языки с операционными системами, то русский со всеми архаическими излишествами типа склонений, спряжений, падежей, запятых и разьебивки по родам, по сравнению с лапидарно-лазерными, почти математическими английскими мыслеформами, это старинный виндовоз перед последней версией линукс-минт — больше жрет ресурсы оперативки и быстрее сажает батарейку. Это не значит, что английский лучше — просто его легче утилизировать на мобильных платформах. Объяснить теорию Максу, слегка раздувая при этом щеки я не успел. У него затрынькал айфоновый скайп и вскоре против воли мы с болгарами оказались втянуты в санту-барбару воронежского уезда.

Максим вставил белые эпловы гребешки в по-борцовски мятые ушные раковины, и начал носится вокруг матраса с рулоном пластикового рэпа. Казалось, он впал в технотранс и громко

дискутирует сам с собой:

«Зайка, ну как ты там, за-а-айка? Ну-уу зай, ну ты уже прекращай слёзы...прекращай. Не стоит оно и слезиночки твоей, бэй-й-й-би. Знаю. Знаю как тебе трудно. Мне тоже нелегко. Ну и что что Америка? Подумаешь, Америка! Без тебя и Америка-то не Америка. Чушь собачья, а не страна. Гипсокартон и обман кругом. Декорации. Я тут, знаешь понял — Россию просто обожаю. Угу. До боли физической. И тебя обожаю. Какая там еще америка-разлучница? Да никто мне не нужен кроме тебя. Слышишь, зай? Ни-кто. Нуу-у, зай! Всё ведь для нас стараюсь! Вытащу я тебя, вытащу. Какой еще Школьник? Не брал я у него никаких денег. Да пошел он! Школьник, грю. Зай, никого я в жизни не кидал. Никаких Школьников. Грю же. Зай. И тебя не кину. Ты нечего не знаешь и ничего не кому должна, поняла? Поняла? Вот и все нахуй.

Школьник. Хм. Почему так тяжело дышу? Дык на работе я. На работе я, зай, грю. Угу, программистом в Микрософте. Диван какой-то гавенный пакую, чего. I like to move it, move it! Ну ничего. Ничего. Надо ж как-то начинать. Вот приедешь и заживем. По злодейски, по-буржуйски заживем! Мировая олигархия дрогнет. Да нет. Не надо много шмоток с собой. Тут шмоток реально валом. И дешевые. Мне уже складывать некуда. Приедишь, вместе на политику подадим. Надо

успеть за первый год. Аха. Ты там пока всякие блоги хомячьи почитай. Наберись терминологии-то. Навальные-немцовы, туда-сюда. Оппозиция. Кара-мурза. Кадыров. Режим. Эхо Москвы. Алепа сакральный русский город и тэпэ».

Можете ли Вы прийти в восторг от какой-нибудь простой мелочи? (Оксфордский тест способностей личности).

Друзья, я вас умоляю, станете переезжать, пакуйте коробки с умом, сделайте милость, пор фавор. Ну попала большая коробка, так вы ее чем-то не особо тяжелым набивайте. Аха? Кто же книги грузит в коробку от старинного телевизора, прости господи? Это же кому-то ведь поднимать придется, тащить, волки вы позорные! Я же ее каждым позвонком прочувствую, падлу, пока в грузовике не швырну с особым, мстительным цинизмом. Тупая болгарская сука Иванова.

А матрасы темпур-педик? Неподъемные монстры с литой рамой и тысячью моторчиков, созданные будто для парализованных инвалидов секса? Счастье не в матрасе, а в том с кем его делишь! Никогда не покупайте педиков если планируете скорый переезд. Только когда окончательно определитесь с жилплощадью и половой принадлежностью, слышите? Только когда готовы окончательно осесть и не загонятся по порожнякам. Анафема и маранафа, туды её в

качель.

Когда мы втроем обливаясь потом и сиэтловым дождиком возносим зассанный болгарами темпур педик по скользкому трапу, у меня темнеет в глазах и подгибаются колени.

Сейчас Женя в сердцах швырнет педика в шипящие пузырями лужи старинной мостовой. Силы покидали потрепанный краснознаменный экипаж счастливой Ласточки.

Макс вдруг покачнулся и запел бодрым гладким тенором:

Много песен слышал я в родной стороне;
В них про радость, про горе мне пели,
Но из песен одна в память врезалась мне –
Это песня рабочей артели.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зелёная сама пойдет!
Подёрнем, подёрнем,
Да ухнем!

Столь ценимая Ильичом песня бурлаков спасла наше задыхающиеся шоу. Душевным рывком мы втащили темпур педик и с грохотом ухнули его в грузовик. У меня сразу выступил холодный пот и мелко затряслись руки. Все симптомы напоминают криз в который входят диабетики перед тем как окончательно впасть в

инсулиновую кому. Спета моя песенка.

— Да нет у тебя никакого диабета, не ссы! У меня оба предка- врачи.

Макс улыбается и протягивает мне сникерс.

— Тряхануло. Это бывает на муве. Всегда носи с собой табельный сникерс. Помогает. Отдохнул — съел и порядок!

На следующем боевом вылете у меня в кармане уже лежал табельный сникерс. Правда табельной песней-стимулятором я так и не обзавелся — нет слуха. Вместо дубинушки в кульминационные моменты мува я задираю голову кверху и изображая бомбиста-суицидника истерию:

— Ааалахуу Акба-а-ар!!

Особенно хорошо это работает с неповоротливыми диванами кожи академика Левартова.

Макс хохочет ценя юмор, а Женя всякий раз в ужасе шипит:

— Ты мусульман что ли, сука? Тише, тише, вызовут ментов! Или типсов не дадут. Террорист фуеф.

Когда бесконечный болгарский хлам был должным образом уложен и застрахован оранжевыми стропами, выяснилось, что заин скайп убил батарею максова айфона.

Адрес пришлось вбить в глюкогенезную молдавскую нокию Жени.

«Двадцать минут ориентировочно. Звоните Иванову, выезжаем».

Он бодро повернул ключ зажигания. Двигатель не ответил ему взаимностью.

— Ну йобаный дизель, ну что же за фуйня! Не холодно ведь.

Макс с удовольствием закурил, выпустил дым и сказал:

— Ну вот. Самая приятная часть. Мы — хелперы, а Женя — драйвер. Сейчас он будет работать, а мы созерцать.

Женя глянул на нас с тоской. Ласточка не заводилась. Лил дождь, а позади уже собиралась пробка выезжающих из подземелья адских сатанистов.

— Пула мый гурате фаче амортизацяя! Давай, звони Никите, Макс. Слышь?

Через полчаса на роскошном баварском тарантасе приехал злой демон Никита. Казалась он только что забил очередного доктора Рагина голыми руками.

Мы выстроились под проливным дождем и какое-то время созерцали как Женя мечется с джамп-кабелем стараясь прикурить аккумулятор Ласточки от акульего бумера властелина цеха муверов округа Кинг. Грузовик вздрогнул всем длинным телом и дизель наконец провернулся.

«Еще раз оставите фары включенными, всех

троих оштрафую в миссионерской позе» — мягко благословил нас в дорогу Никита, и мы попилили куда-то в сторону Эверета. Чувствовалась, что транспортник поднял несколько тонн избыточного веса. Болгары в Америке нагуляли немалый жирок.

Перед самым выездом на фривэй, Женя вдруг подпрыгнул и истерически возопил «Боже!». Казалось он сбил кого-то. Макс уронил сигарету и испуганно воскликнул:

— Чо там?

— Чо-чо, блин, Порше Панамера!

— Где?

— Да вон же, вон! С переднемоторной компоновкой и полным приводом!

— Турба!

Они зацокали языками, как очарованные старейшины в кабинете у Юнус Бека Евкурова. Я позавидовал их неподдельному, почти детскому восторгу и по-тихоньку закурил Макснова табачку.

Мы с Максом — хелперы. Так что пока едим можно и расслабиться.

Вы иногда спрашиваете себя о том, любит ли кто-нибудь Вас по-настоящему? (Оксфордский тест способностей личности).

Я умолил всемилостивого Леонида Лалу найти мне работу и скромную обитель в Сиэтле. «Я все отработаю. Отмолю. Честно. И жилье и права. Помогите мне, Лала. Я вам стожусь».

— А ты случайно травкой не балуешься?

— Ничем я не балуюсь. Все бросил. Абсолютно. Честное слово. В посте и молитве денно и ночью. Ибо сказано — бодрствуйте и трезвитесь!

— А! А то у нас тут все легализовано. Травка в смысле. Во! А скажи-ка мне, добрый человек, а соблюдаешь ли ты субботу Господню?

Леонид Лала оказался адвентистом седьмого дня.

* * *

По расписанию забег серых собак до Сиэтла должен был занять всего семьдесят пять часов. Но где это видано чтобы Грейхаунд шел по расписанию? Добрые люди купили мне онлайн тикет на омнибус со встроенным вайвай и розетками. Жаль пишмашинку придется оставить жене. Я мог бы закончить роман прямо на борту серебристой акулы ночных американских трасс.

Живо представил как едет на грейхаунде и пишет вторую часть «Мёртвых душ» раздавленный депрессией Никола Васильевич Гоголь. У писателя слегка испорченное пирсингом и оспой лицо. Он в застираной тишотке и бейсболке Нью Йорк Янкиз. На остановках Гоголь раздает неграм мелочь и приговаривает: «Ну, ну, ослабоните нехристи

абиссинские!»

В последние дни перед выездом мне тоже изумительно писалось. Изумительно — как назло. Когда нет возможности писать руки всегда чешутся, а фразы сами выстраиваются в голове и часто мешают спать. А еще мешает спать Юрген Пукач, ежедневно требующий «ну хоть сколько-нибудь». Кроме того, могут нагрянуть менты и снова попытаться меня упрятать. Я держу наготове рюкзак со всем необходимым, а в дальнем углу двора стоит перевернутая бочка. С бочки — на забор, с забора — по крыше соседского гаража. Так когда-то убегал Ленин в разливе.

Обидно, не дадут дописать нехристи абиссинские.

Роман надо спасать, как спасали от Ирода младенца Христа.

Хотя, если в соответствии с планом Спасения Христос должен был быть распят ровно в тридцать три, стоило ли париться из-за Ирода, налогов и отсутствия медицинского страхования в древней Галилее?

Я верю, что вывезу полуживой эмбрион моего романа на Дикий Запад и он, наконец, разродится, заживет самостоятельно во имя спасения всех людей и кривоколен израилевых.

Сейчас роман временно загружен в электронную читалку, пристегнут к аппарату

жизнеобеспечения, как больной в реанимации. Потерпи уж, романюга.

Выдвинулся на автовокзал.

Денег не было совсем. Был мешочек с черствым итальянским хлебом и банка арахисового масла. Это на пять дней. До ближайшей зарплаты жены. Марина нагнала мне страху о том, что на грейхаунде зверствуют агенты и я вырядился в полный комплект американского военно-полевого камуфляжа. Прижег утюгом по новой шпале в петлицы, самолично произведя себя в младшего лейтенанта инженерных войск. Хотя шеврон на рукаве от ВВС. Парашютный стройбат. Авось и просочимся.

Поменял воду черепахам и по очереди обнял всех собак. Я еще не знал тогда, что вижу их в последний раз в жизни...

Моей жене срочно надо было на работу и я очутился на вокзале на шесть часов раньше выезда. Протяженность путешествия сразу подскочила до восемьдесят одного часа. Не страшно. Зато сюда не припрется назойливый как е-Баный лист Юрген фон Пукач и евклидовский ОБН.

На прощание я попытался поцеловать жену в губы, но она ловко увернулась спасая помаду. Я было обиделся «не знает ведь когда вернусь», но вспомнив всё, что она претерпела от меня за последний год, отпустил ей этот малозначительный

грех.

Наконец, я нервно загрузился в серый автобус с надписью «Грейхаунд лайнз, Даллас, Техас» и вскоре мы помчались на Запад с крейсерской скоростью. Голые деревья нервно отмахивались от меня руками.

Через пару дней посреди бескрайнего, плоского и ветреного, как Юпитер Канзаса у меня кончилось арахисовое масло. Канзас выглядел так же как его описывал Капоте пол-века назад: Земля тут плоская, и открывающийся вид своей бескрайностью внушает почти благоговейный страх; табуны лошадей, стада коров и белая россыпь элеваторов, высящихся величаво, как греческие храмы, видны задолго до того, как к ним приблизишься.

На остановке, куда коуч вкатил для пересменки водителя греческим храмом высился неприступный макдональдс. Я поклонился храмину и купил ритуальной картошки-фри на последние семьдесят пять центов. Прекрасная инвестиция. Целебный картофель-фри. Картофелька была горяченькая и очень вкусная. Ея было ничтожно мало.

По закону и по понятиям, водителя междугороднего ландо следует менять каждые восемь часов. На злополучной стоянке, где я вкусил лечебную картошку мы завязли. Сменщик попросту

не явился. Законопослушный возница направился в ближайший караван-сарай и улёгся спать. Благочестивого драйвера звали Джером. Каждый второй кучер грейхаунда зовётся Джером. Хотя однажды пришлось ехать на водителе по имени Джонни Би Гуд.

«Высплюсь и поедим по холодку» — объявил Джером, врубил движок и печку, чтобы мы не передохли от холода и тоски, и отшфатовался. Я угрюмо пошел собирать окурки, и может даже игриво размять уставшие члены. Социально активные американцы стали обзванивать местные каналы новостей и жаловаться на беспредел владельцев Грейхаунд Лайнз. Журналиги и в правду приехали снимать про нас сюжет. Целое событие для безрыбьего Канзаса. Не смотря на мое врожденное тщеславие, я не был готов встречаться с прессой и прятался в туалеты МакХрама, пока не отвалили журналисты локального канала «Кокс нюз».

Теперь автобус задерживался еще на шесть часов. Это означало, что в Денвере я наверняка опоздаю на пересадку, и мой следующий транспорт умчится в Портленд без меня. Мысль о том, что я застряну без денег, билета и надежды, в холодном зимнем Колорадо, где-то по-середине между домом и странноприимным приютом преподобного Леонида Лала, бросала в липкий пит.

Прилагаете ли Вы усилия, чтобы вызвать улыбку или смех других людей? (Оксфордский тест способностей личности).

Глубокой ночью мы скользнули в Денвер акульей тенью. Мой первый штат где трава была в законе. Легалайз, о котором так долго шептались упоротые большевики, свершился. Сказать вам по правде для человека торчащего последние пару лет на веществе, которое ФСБ использовало для устранения террористов и зрителей театра на Дубровке, идея легализации марьванны звучит несколько запоздало. Сто процентов моих знакомых её либо покуривает либо хотя бы курнула разок- невзатыг.

Сатива и индика напевно звенели в морозном воздухе колорадского горнолыжного утра. Кто-то выкурил папиросу дури прямо в общественном туалете автовокзала. У умывавшихся там странников резко улучшалось настроение, аппетит и обмен веществ.

«Марихуана — медикал и не очень!» балоболили билборды. Несмотря на подавленность я все же тихо порадовался маленькой победе либерализма в отдельно взятом штате.

Касса открывалась только в семь утра и мне предстояло пять часов гадать о том как решится проблема со следующей пересадкой. Параноидальная волноваха доктора Левартава.

Позволят ли сесть на другой автобус? Дождется ли присвятой великомученник Леонид Лала? Не згинет ли моя бессмертная душа и недописанный роман?

Вяло отмахиваясь от черномазых попрошаек мелочи, я обошел вокруг вокзала в поиске сухих бычков. За поворотом мне чрезвычайно повезло — на нескольких листах картона, где в эту холодину переночевал бомжующий йог-членовредитель, я обнаружил батончик Марса. Ну почти целенький — йог ужалил его раз и сбросил, как наемные убийцы спуляют пистолет. Батончик Марса имел вкус конфет, которые мы в детстве собирали с могил на пасху. Марс был деревянный от холода, но я его буквально впитал.

«Спасибо те за службу, сынуль!» — мимо прошла крупная лесбиянка лет пятидесяти — «приятного аппетита». Я вспомнил, что на мне форма офицера армии США и я расправил узкие плечи.

Приободренный вернулся в зал ожидания и присел на жесткую скамью тюремного режима. Чтобы уснуть на таком сиденье надо предварительно не спать минимум неделю. К счастью, по телевизору шли новости и я увидел скольким же людям в то утро пришел реальный хуайвей. Обнадеживающий факт. Особенно не повезло имаму Нимру аль Нимру. Имама расстреляли в Саудовской Аравии. Неудачная

неделька чтобы быть имамом. Асадиты и алавиты восстали против вахабитов и содомитов и теперь с огромными потерями прорывались в Сракку. Авианосец «Гетьман Арсений Яценюк» вошел в севастопольскую бухту. Дикие слоны затоптали насмерть глухонемого мальчика в Индии. Стало известно, как кошка убила младенца под Нижним Новгородом. Снегопад в Мексике уничтожил урожай агавы для производства текилы. В Подмосковье женщине-избирателю отрезало голову неисправным лифтом.

В семь тридцать открылась касса и мне выдали билет на Вайоминг. Бегло оценив камуфляж, кассирша извинилась от лица Грейхаунда и протянула талоны на бесплатный завтрак. Завтрак был чудесен и во истину горяч. Пока я расщеплял его на молекулы, мне пару раз отдали честь проходящие мимо нелиповые натовские военные, а пожилой гражданский спросил:

— Где служил, сын?

— Мазари Шариф, Операция Несокрушимая Свобода, нюу йорский горно-стрелковый...

— Дельта Меконга, Вьетнам, сынок, первый батальон пятьсот пятой десантной дивизии, кэмп Гордон, Джорджия!

После четырех часового лейовера, автобус, наконец, выполз из даунтаун Денвер. Джером

рванул микрофон и зачитал стандартный список нарушений за которые могут выбросить за борт. Теперь к запрету «не курить» добавлялась: «это касается сигарет, травки и всех говённых электронных испарителей».

На соседнем ряду ехала партия обкуренных индейцев и они заржали оценив пламенный джеромов спич. Один из команчero выдвинулся в туалет и вскоре система кондиционирования выбросила в салон равномерный выхлоп характерного дыма. Юная индейская девушка, похожая на елбасу Назарбаева первого созыва, нежно улыбнулась мне и прошептала:

— Боже, храни Колорадо! Солдатик, а солдатик, дай плейер послушать, а?

Я протянул ей плейер со «Смотрителем» Пелевина и сказал:

— Вряд ли это тебе придётся, подруга.

Она некоторое время слушала стереозаклинания на непонятном тарабарском наречии, а потом вернула плейер и печально согласилась:

— И впрямь хуерга!

А хаунд пер на Север, как заведённый померанец. Стадо бизонов оказалось при ближайшем рассмотрении обычными коровами. Меня перекинули на другой маршрут.

Впереди были Вайоминг, Айдахо и Монтана.

Является ли Ваша жизнь постоянной борьбой за выживание? (Оксфордский тест способностей личности).

Можно было бы залить магистрали монолитным бетоном еще при Айке Эйзенхауэре, но чем же тогда занимать толпы дорожных рабочих-полуавтоматов каждое лето? Из этой же оперы лакировка виниловой плитки на полу гипермаркетов. Некоторые вещи умышленно временны — для стреножения возможной безработицы. Каждые три месяца старый лак, который по старинке тут величают «воском», растворяется промышленным щелоком. Поверх накладывается новый сверкающий до рези в глазах слой. Половая индустрия кормит тысячи людей и нелегалов по всей стране. Пятигаллонный контейнер щелока или воска стоит сто двадцать песет.

Я работаю у шустрого, вечно упорного грузина по имени Тенго-батон. Батоно Тенго врач из Кутаиси. В стране-лидере свободного мира у доктора Тенго контракты на уборку маркетов «Сытый пингвин». В качестве приработки доктор также содержит бригаду лакировщиков контрафактных магазинов «Маршал». Скажу вам без лишней гордости — я половой гигант и лакировщик от бога.

В честь Тенго-батона, белый кореец нежно называет нашу схему «Танго и Кэш».

Часов в двенадцать дня, когда подкрадываются первые симптомы отрыва, Дейв подкатывает ко мне на отцовском джипе и мы начинаем контактное патрулирование. В нашем городе около тридцати магазинов сети «Сытый пингвин». Стрелять по сытым пингвинам не бох есть какой биатлон.

По кумару Дейв становится страшен. Он хладнокровный водитель, но с непривычки пассажиру может показаться, что кореец решил таким способом прервать расчеты с жизнью. «Don fuck with me, when I'm going through opiate withdrawal» — повторяет он пересохшими губами-«You copy that?»

Комнаты сытых уборщиков-пингвинов залиты воском до самого потолка. Пока магистр БиЭй держит под парами джип у самого входа в клоаку пингвина, я врываюсь в служебные помещения уборщиков как русский ас Александр Иванович Покрышкин. На мне форменная тужурка половой команды. По оперативной легенде я — менеджер звена истребителей грязи. Днём на меня тут никто не обращает внимания.

Весело щебеча рациями по складу мечутся доставщики чипсов, пепси-колы и оргастического йогурта. Я вливаюсь в их дружный поток слегка

помахивая серебристыми крыльями:

«Покрышкин ист ин дер Люфт, майн фройляйн унд херрен!»

Пара-тройка отправленных в штопор жирных пингвинов и джип «Ветеран ВМС США» уже проседает на рессорах. Экипаж возвращается домой. Господь храни Америку и Дженерал моторз.

Теперь в джаз вступает корейский тромбон. По оперативной легенде двоюродный дядя Дейва — Чен Юнг Пак владелец ударной половой бригады, который решил выйти из игры. Пора в отставку, в Перл Харбор, штат Гавайи.

Дейв помогает Чен Юнг Паку быстро ликвидировать залежи промышленного воска всего в треть цены. *While supplies last!*

«Чен Юнг Пак скушал всех собак, Чон Ду Хван — лох, бич, вам» — бормочу я под нос по-русски, а издерганный маятником ломки Белый Кореец ревет: «What?!»

Маунт пятигаллоновых контейнеров в гараже батоно Тенго растет как новоафонский сталактит. Наличных хватает на все с лихвой. Существует риск, что рано или поздно батоно вычислит, что операция Танго и Кэш это цикличная перекачка воска с его Жирных Пингвинов на его же строгие скупые Маршалы.

На дозе ты всегда живешь одним днем. Имеющие жилы меня услышат. Джазовое танго и

серый бесконтрольный кэш кардинально взвинчивают нашу с Дэйвом суточную дозу приёма лекарств. Историографы наверняка повесят всех собак на липового дядю Чен Юнг Пака.

На 186 миле мы глиссадой сходим с фривея и Дэйв снимает трубу:

— Yo, I am at one eight six. I got three hundred.

— Go down to Euclid and take second right on Rayburn. Park.

Сильно ли беспокоила бы Вас мысль о том, что надо начинать все сначала? (Оксфордский тест способностей личности).

«Не пойму от чего же пендосы так беспросветно тупы» — Макс запел старинный шансон. Я это всегда спускаю на тормозах этническим этрускам. Бо не ведают. Но вновь прибывшим умникам не спускаю никогда.

— Максимушка, а ты не заметил, что это ведь мы с тобой в Сиэтле мебель чужую таскаем, а не пендосы по Воронежу с матрасами шуршат? Или это незначительный аргумент которым можно пренебречь?

— Ну не факт. Может и шуршат.

— Тебе, например, наверняка горчица местная не нравится?

— Да какая у них тут горчица? Сладкая! Тьфу!

— Это потому что вас там в школе учат, что

горчица это «mustard». А на деле то что мы называем «горчицей» тут называется «wasabi». И в этом, Максимка, вся боль и трагедия разверзнутого диссонанса, который тебе предстоит постигнуть. Почему-то у нас до сих пор стараются преподавать английский Уинстона Черчилля — без всякой поправки на солнечный ветер и гравитационные волны.

— Все равно они тупые. Ты чо, Винс, мало тут с ними успел пообщаться что ли?

— Достаточно общался. Более чем. Просто места рыбные знать надо В Принстоне, штат Нью Джерси тусанись. Среди профессуры. Ты человек с высшим образованием, так?

— Допустим.

— Вот. В Воронеже у тебя и круг соответственный был — культурные, образованные в основном люди, так?

— В основном.

— Вот. С грузчиками и дворниками из гильдии «точикистон гастарбайтен шпюллен» ты ведь особо не общался, сноб хуефф! Вот поживешь здесь мальчика, думать начнешь по-английски, ездить за рулем начнешь по-английски, без среднего пальца и подрезания кого ни попадя. Наоборот — другим дорогу уступать начнешь, как последний лох. Дом построишь из местного гипсокартона, газон собственный пару лет в поте лица покосишь,

детей made in U.S.A. породить, с ними индейку на день благодарения будишь зпекати, а на хелоин дырки в тыкве нарезать, и войдешь в порочный пендосский крук.

Но и это не будет рио де жайнеро, Макс. Чтобы прорваться в следующую касту тебе поможет только чудо. Касту людей, которые галстук бабочку без зеркала подвязывают, как академик Капица в молодости тут охраняет силовое поле. И тогда твоя сегодняшняя уверенность вдруг поколеблется. Потому что встретишь ты вдруг среди американцев необычайно умных, продвинутых людей. Это уже другая цивилизация, Макс. Умные как россияне. Кстати, обратил внимание как они всегда трепетно тут термостаты регулируют? Им вечно некомфортно — то холодно, то жарко, то интернет слишком медленный. Я склонен доверять теории, что американцы вообще, того — внеземные. Однажды ездил в столицу — в Вашингтон, хотел почувствовать биение интерпланетарной власти.

— И чо?

— А чёрта с два. Только что и видел так это таксистов, официантов, экскурсоводов и прочий крепостной люд. Декорации сплошные. Администрация бала явно и давно живет в другом измерении.

— Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я

слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже, напившись, или с похмельюги, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток — и ни разу не видел Кремля.

Макс засмеялся и наконец выдавил из себя высшее филологическое.

— Ну ты ж до сих пор тут с грузчиками тусуешь, а, Винс? Сам-то чо в другое измерение не перескочишь?

Мне захотелось рассказать Максу о служебных ангелах, но я не имею права распространять секретные сведения без надлежащих санкций.

— Я, Максимушка, жертва аборта пространственно-временной матрицы. Сбой механизма гуманоидной эволюции. Но ты не такой. Другая, усовершенствованная модель. Как пишут в резюме — «Career oriented» — полёт нормальный. Ты — обязательно пробьешься. Главное — избегай внутренних противоречий, а то в такие Петушки угодишь, мама не гоняй.

— Ты о чём?

— О чём? «Подумаешь, Америка! Без тебя и Америка не Америка. Чушь собачья, а не страна. Я тут понял — Россию просто обожаю. Аха».

Ты как правоверный ведаешь отчего великих грешников хоронят вне кладбища? Нет? А маршрутизатор, портал в другое измерение так

Оппозиция. Кара-мурза. Режим. Ухо Москвы — Максимка, а вот реально в России революшн бабахнуть? Майданок? Проверку на годность? И пусть к нам пендосы потом ездят мебелигу ворочить, а? Ведь все в наших руках? Нет?

— О чём ты? Какая революция годности? Реформы? Максимум, что они сделают это скопируют американские законы пятилетней давности и все останется как есть. Как всегда. Слышал теорию будто человек за всю жизнь задействует только одну треть клеток мозга? Но ведь никто не изучал толком наши сны. А во сне-то они все как раз и задействованы. Россия, одна шестая часть суши — это сон человечества. Выход в другое измерение, пользуясь твоим эзотерическим словарем. Россия, она будущее планеты, если хочешь. Вдумайся, на сто процентов не оправдался не потребительский, западный путь, ни чрезмерно духовно-разъебический восточный. А Россия — она третье направление, спасительное! Не влево или право, будто на плоской прямой, а прямо и вверх! Эх-ма!

Таскай давай коробки и мелочёвку, а мы с Кишинёвом по крупняку сработаем, угу?

Мне захотелось сказать эмигрантскую гадость, что де пока третье направление это лидерование в потреблении вотки и экспорте калашникова, но его благородный жест —

облегченный участок работы для меня, заткнул моего злобного карманного Шендеровича.

— Спасибо тебе, Макс.

— Да кушай на здоровье!

Потeya, я стал растягивать коробки по свежeотремонтированным комнатам болгарского бунгало. Накатившая слабость превратила все вокруг меня в старинное кино в котором был я всего лишь сторонним наблюдателем. Вот Иванова рвёт подряд все коробки в поиске пропавшей книги древних болгарских рецептов. Зачем она ей именно сейчас? Вот Макс и Женя деловито обмеривают рулеткой стол и проём лестницы на второй этаж и недобро качают головами: «Надо бы разбирать, хозяин, не пролезет ведь! Никак не пролезет, ваше высокобродь!»

Зная нашу способность тянуть время обращая его в бесконечность, Иванов лично набрасывается на стол с электрооверткой, как болгарский тореадор Живков.

Ангел Эдичка Лимонов иногда таскал в Нью Йорке мебель, подрабатывая наличмана к своему пособию. Таская мебель он сочинял роман. А потом дописал, притомился от мериканских реалий и поехал делать в России революшн. Мувинг и революция подходящая для писателя деятельность. А вообще, Лимонов прав — для тонкой души русского западника идеальное решение это

построить Америку у себя дома. Очутившись на западе постигаешь, что и этот путь не идеален, постепенно становишься славянофилом до мозга костей и бежишь домой. А дома через полгода вспоминаешь о всех бестолковостях и сумасбродстве адептов домотканного славянофильства и хватаешься за голову.

Америка это не страна, а идея, вариант движения, религия. Но зачем нам копировать голливуд, если там до сих пор молятся на русского Станиславского? Может Макс и прав — ошибочны оба пути, потому что мы имеет дело не с плоскостью, а с чем то как минимум трехмерным? Крыша прям едет.

У грузовика подонка Никиты тоже едет крыша. Дождиком-сиэтлайт равномерно залило мягкое гамбсовское полукресло — фамильную гордость Ивановых. Я несу его нежно, чтоб не капало на зеркальные паркеты и не выдало конфуза. Иванов ловко вырывает полукресло, впрыгивает на него и тянется ручонками к антресоли. Из полукресла моментально исходят ниагары и индигирки мутной дождевой воды. Супруга Иванова в ужасе садится на пол, прикрыв рот авитаминозной сухонькой ладошкой.

Типсы однозначно накрылись. Макс и Женя понимают это, звереют и разносят кроватью свеженькой штукатурный угол лестницы. Этот мув

нам никогда уже не вытянуть. А значит необходимость «шуршать на позитивчике» отпадает за ненадобностью. Маски сброшены, господа. Теперь надо сорваться отсюда быстрее, все устали, как дикие собаки пржевальского.

Я прорываюсь на мостик Ласточки, чтобы перехватить выданных Людмилой Ивановной котлеток неволяй по-днепропетровски. Но Макс не пускает меня — протокол. Надо обязательно присутствовать рядом с косноязычным молдованом Женей, пока он вручает клиентам счёт, а они кровью подписывают роковой контракт с Никитой.

На прощание Иванов сменяет гнев на милость, жмёт нам по очереди потных крабов и выдает каждому по пятьдесят таллеров.

«Спасибо, товарищи!» — добавляет он на чистейшем русском.

Хер их пойми этих клиентов — никогда наперёд не угадаешь, дадут типсов или кинут. И чего весь день на хреновом английском коммутировал, акцентом своим пловдивским хотел прихвастнуть?

Бывает ли Вам неловко в обществе детей?
(Оксфордский тест способностей личности).

В Монтану мы соскользнули глубокой льдистой ночью. Так уходят в пучину подлодки Северного флота. Омнибус отчуждал непропорциональную, ромбообразную тень. Долгий

день в Вайоминге был наполнен бескрайней степью, отдаленной горной грядой и стадами сытых по-своему счастливых коров. Вайоминг был бы очень похож на северный Казахстан, если б только иногда наш коуч не обгоняли суровые люди в стетсоновских шляпах. Они галопом гнали усталые пикапы. На остановках, у стандартных макдональдсовых драйвапов, из пикапов лилось слезное банджо.

В Монтане было еще холоднее, чем в Колорадо. Окурки примерзали к вылизанному бетону, скалистый ветер больно сёк по ушам. На улице как под водой нельзя было находиться дольше пары минут.

На свежеотстроенной станции предстояло провести семь часов. Омнибус пройдёт только ранним утром. Нет ничего нуднее, чем отстать от маршрута и переть оставшийся путь на перекладных.

В уголке зала ожидания и медитации смастерили небольшую игротеку для мелких. Пол там застлан толстым паласом с весёлыми буквами вражеского алфавита. На буквах расположилась застиранная джинсовая молодь с моего рейса. А и Б сидели на траве. Трое вьюношей и две чики. Лет по шестнадцать-семнадцать. Один даже скейтборд с собой волочёт. Общаются не отрывая глаз от фейсбухов. Спортивные рюкзачки пропахли

нелегальными здесь денверскими сувенирами. Я с удовольствием вытягиваюсь на литерном паласе. В автобусе ноги вытянуть сложно и часто просыпаешься от того что скрипят колени.

Я не педофайл. Мне нравится тусить среди молодых. Говорят, старики всегда так делают — облучаются энергией бесцельно расточаемой юностью. В душе мне уже стукнуло сто семьдесят пять лет и я с удивлением гадаю чому до сих пор жив.

Поспать на удобном коврикe не удастся — через пятнадцать минут нас изгоняет злой на себя и весь мир станционный зритель. Его аргумент о том что мы уже не дети более чем спорный. Если отследить временную линию событий моей жизни сложно признать меня ответственным членом общества. В душе я твёрдо верю, что никто из членов общества сам не знает, что же такое «взрослый» и в какой момент жизни человек переходит через мембрану апгрейда. Среди нас немало тех, кто мечтал бы прожить жизнь не принимая ее всерьёз.

Поделюсь открытием — те кому это удалось и становятся служебными ангелами.

* * *

Детишки уходят в ночь тратить дыхание на

косо́го из эксклюзи́вной де́нверской ко́ллекции. Они возвращаются и садятся прямо на бетонный пол вокзала. До утра я слушаю их наивный трёп.

Иногда сам делаю круг прочесывая территорию на предмет свежих бычков. Городишко прилипший к вокзалу малёхонький, однолашдный. В застывших неровными сотами домишках, тоскливым воем выворачивает душу собака.

Когда мимо моего дома проезжала включив сирены карета скорой, одна из собак присаживалась на хвост и задрав голову начинала выть, подражая сирене и выдавая безупречный музыкальный слух. Иногда ей вторили двое других. У собак, как и у людей — музыкальный слух развит далеко ни у всех. Тоскливая немного фальшивая собачья fuga родного дома. Неоднократно в прошлых жизнях я тоже был собакой и иногда выл на луну. Те кому удалось догнать от чего собаки воют на луну, постигают самую суть спирали реинкарнаций и становятся служебными ангелами.

* * *

Проходя мимо загончика станционного смотрителя, я вижу неровную пирамиду сумок, которую венчает мой кандагарский рюкзак. Даю робкую слабину:

— Скажите, а мне самому надо забрать сумку

в следующий автобус или это сделаете Вы?

— Грейхаунд о тебе позаботится, бадди!

Станционный смотритель зябко кутается в тонкую шинель с профилью гончих псов в петлице. Он похож на Акакия Акакиевича Гоголя.

* * *

К утру станция заметно наполняется адептами загонов на серых собаках. Они подтягиваются с холодных льдистых улиц. Отогревшись, некоторые из адептов быстро портятся и начинают вонять. Следующий отрезок пробега пойдет в забитом под завязку тарантасе.

Вместе с малолетними наркотрафикантами, я проталкиваюсь в глубь омнибуса. Салон новенький, с кучей экранчиков для цифрового кинема. Экранчики вразнобой показывают, где находятся аварийные выходы и как следует пристёгивать ремни. Между экранчиками небольшой временной лаг, и кажется, будто они спорят друг с дружкой. Спорят, по очереди утверждая одну и ту же вещь. Если вы научитесь наблюдать за спорящими людьми, вы убедитесь, что именно этак зачастую и происходит. Люди повторяют одну и ту же истину разными словами, не слышат друг друга, и, порой готовы убить оппонента, который твердит практически то же самое.

Свободных мест в салоне совсем не осталось. В автобусе материализуется стационарный зритель:

— Граждане, этуш чей чёрный рюкзак остался там на полу? Что-то мне подсказывает, что он с вашего рейса, хе-хе-хе!

Я помню его тёплые слова о заботливом грейхаунде и верю — мой боевой напарник уже вложили в автобусное подбрюшье.

Модели нового поколения отрываются от фейсбука и вайвай:

— Йо-о, ну погоняй же уже лошадок, джеро-о-м!

Я привязался к молодым за ночь как к родным и сам сбросил десяток лет:

— Давай-давай, от винта, джером, наяривай уже сердешнай!

Оказали бы Вы помощь попутчику, нежели предоставили бы это официальным лицам? (Оксфордский тест способностей личности).

Монтана. Хвойный лес, серые оскалы скал, студёные чёрные речки, режущий глаза белый снег. Джером уже пару раз вытаскивал свою неповоротливую задницу на свет божий и обматывал цепями задние колеса повозки. Снег на перевале идёт ровной белой гардиной.

Следующий на очереди штат — Вашингтон. На флаге Вашингтона реет портрет доллара —

Веселый Джорджер. Сам флаг зеленый, как знамя ислама. Я пересеку Монтану и большую часть Вашингтона, и совсем скоро серые собаки приволокут мои нарты в невиданный доселе град Сиэтл.

Джером в этот раз совершенно левый. Пока мы мотали срок на детском коврике станции в Монтане, возникла забастовка водителей-хаундов. Чтобы не зашиться окончательно, компания призвала резервистов — джеромов которые были перепрошиты на функционирование в офисе. Нашего Джерома доставили самолетом из отделения в Неваде. Его транспортировали в полном анабиозе, как укрнафта из Аватара. Джером поотвык от работы в полевых условиях и заметно нервничает.

Пассажирский контингент собак напоминает состав ливерной колбасы, и часто джеромам приходится играть роль держиморды. Новый джером это делал буквально — перед рейсом он напялил ископаемую полицейскую тужурку, прилепил полустертый детективный бейдж на дорожный саквояжик.

Содержимое саквояжика он продемонстрировал во время предвзлетного спича, в который каждый партикулярный джером вставляет нюансы собственных комплексов. Саквояж с бейджиком был китайской подьобкой

набора великого инквизитора Торквемады и содержал газовые баллончики, резиновые дубинки, никелерованные наручники, электрошокер и телескопический шприцутен.

Завидев мою униформу, Джером возопил: «Спасибо за службу, лу, проходите вперед, не стесняйтесь, сэр». Он назвал меня «лу», потому что я самовольно воспроизвел себя в лейтенанты. Я не планировал стричь купоны ветерана американского милитаризма, и теперь, очутившись на месте для беременных инвалидов с детьми, чувствовал себя не в своей тарелке. Джером же, добавив к своей коллекции оружия еще и липового луйтенанта с парой свободных ушей, наконец, поймал расслобон.

Переполненный впечатлениями от перелета из Невады, драйвер не выпускал микрофона ни на минуту. Кроме потока негритянской словесности, который ассоциируется у меня с наркодилерами и тригирирует микроломку, у джерома был еще один существенный недостаток — в последний раз он сидел за руль коуча девять лет назад. Хотя дороги выстроенные Эйзенхауэром на случай войны с чертовыми русскими остались прежними, местоположение вокзалов изменилось радикально — из даунтаунов их повыносили за черту оседлости, в бедные районы. Это сэкономило грейхаудовы денежки и соответствовало социальной прослойке путешественников.